

ном (1987), когда была достигнута договоренность о выводе советских войск, и женеvских переговоров (1988), закрепивших и оформивших это решение, морально-психологическое состояние ограниченного контингента оказалось чрезвычайно тяжелым. Широкое распространение получили такого рода разговоры между военнослужащими: «Если эта война – политическая ошибка, то почему мы должны и дальше рисковать своей жизнью? Кто мы теперь и как нас после всего этого встретят дома? Как будут называть? Жертвы политической ошибки? Убийцы?..» и тому подобное.

На примере Афганской войны особенно очевидна теснейшая связь политико-идеологического обоснования военных действий, их мотивации с морально-психологическим состоянием армии и всего народа. В Афганистане советские войска не потерпели поражения ни в одной военной операции, но политики рассудили иначе. Еще раз подтвердилась старая истина, что война проиграна лишь тогда, когда руководство, общество и страна признали себя побежденными. А в армии в результате Афганской войны широко распространилось мнение (и чувство): «Нас предали! Мы теперь никому не нужны...» И предательство это было осуществлено руководством собственного государства и «гражданским обществом». Так в сознании многих воинов-«афганцев» развертывание демократии в стране стало ассоциироваться с изменой.

* * *

Проблема «свой – чужой» – всегда центральная во взаимодействии любых социумов, включая социокультурные образования. Образ «другого» всегда воспринимается через собственный опыт, собственные традиции, психологию и даже архетипы. Чаще всего это происходит отнюдь не дружелюбно, без излишних симпатий, потому что собственная культура, собственные обычаи в силу человеческой психологии представляются более значимыми, а иногда и самоценными, тогда как к инородным явлениям относятся либо безразлично, либо настороженно. Ситуация, когда носители одной культуры вторгаются в среду другой, используя силу, превращает эту изначально неблагоприятную «нейтральность» в активную враждебность, которая тем сильнее, чем дальше друг от друга отстоят эти культуры. В этом смысле Афганская война – классический вариант такой ситуации, причем с обеих сторон.

Однако в советских войсках, вступивших в Афганистан, при всей их общности как представителей советского народа с присущим ему на поверхностном, «надстроечном» уровне менталитетом (идеологические стереотипы, внедренные государством), служили люди разных национальностей, вероисповеданий, культур. Отсюда вытекает проблема дифференцированного восприятия афганского общества и его традиций различными субъектами, представлявшими в ограниченном контингенте различные субкультуры.

Среди них можно условно выделить три больших категории. Первая – это наиболее близкие афганским народам по культуре и обычаям выходцы из Средней Азии (таджики, узбеки, туркмены и др.). Этническая, языковая и религиозная общность при всем внешнем государственном влиянии создавала в этих случаях основу для восприятия афганской культуры как родственной, хотя и отсталой, застывшей в своем развитии где-то на уровне средневековья. Более удаленной была позиция представителей других народов, также исповедовавших ислам (например, татар, некоторых народов Кавказа и др.), хотя религиозная и – в какой-то мере – культурная общность позволяла воспринимать афганскую культуру менее отчужденно и даже видеть в ней какие-то родственные черты. Наконец, позиция наибольшей отчужденности в восприятии была свойственна основной части воинского контингента, которая как раз и характеризовалась максимальными этническими, религиозными и социокультурными отличиями. Это была ситуационно специфическая позиция восприятия азиатской мусульманской культуры восточными европейцами (славянами, прибалтами и др.).

Конечно, не следует преувеличивать религиозные основы этих различий, потому что шесть-семь десятилетий атеистической советской власти во многом усреднили образ жизни и мышления представителей и различных этносов, и представителей религиозных конфессий. Однако не стоит